

Приложение № 33

Стариков Иван Григорьевич.

С октября 1935 по апрель 1939 года служил конвоиром в конвойном взводе НКВД города Колпашево. Конвойный взвод состоял из 40 человек, командир взвода – Севастьянов, ему тогда было 30 лет. Был еще кавалерийский конвойный взвод, там же при НКВД, тоже из 40 человек, а командиром был кавалерийского конвойного взвода – Метла.

Березовский лагерь я знаю. Начальником лагеря был Гонда. Лагерь находился ниже д. Петропавловка, километрах в 5 – 6 от нее на реке Когатинка, а от г. Колпашево в 30 – 35 километрах. Это район нынешнего п. Усть-Чая. Лагерь существовал в 36 – 38 годах. Возможно, он был пересыльный, мужской. Там сидели уголовные и осужденные по 58-ой статье. Слышал, что Белослюдцев тоже в нем служил на начальственных должностях. Там лес заготавливали, мебель делали, строительные работы выполняли. Из конвойцов помню Колотовкина Гаврилу Флегонтовича, сначала служил в конвое, затем в охране тюрьмы. Он сам пострадал от репрессий. Весной 1937 г. он передал записку ЗЭКУ с воли. Это увидели, судили, дали ему восемь лет тюрьмы. Это все было нам строго запрещено, всякое общение, даже надо было не показывать, что знаешь арестованного, а то последствия могли быть самые непредсказуемые. Мне пришлось как-то среди этапируемых увидеть двоюродного брата. Так вот я боялся виду показать, что мы родственники. Так и конвоировал их, и опасался, что брат покажет, что знает меня, или как-то проявит это. Пол пути из Колпашево в Томск прошли уже, а там на ночевке отделили группу, за водой сходить, в ней оказался мой родственник, вот когда пришли к проруби и они набирали воду, я подмигнул брату ободряюще, и все. Нельзя было.

Нарымский Окружной Отдел НКВД состоял из 2-х этажного здания Управления, КПЗ – оно находилось внутри городка НКВД внутри забора, конюшни, стрелково-спортивные площадки или стадионы. Это все было соединено забором с вышками, а рядом находились дома и общежитие сотрудников НКВД, клуб „Динамо“. Это на улице Дзержинского, почти на пересечение с улицей Стаханова. Конюхом в конюшне работал Шкотский, а его сын Захар служил в конвое. Он вместе с Колотовкиным передал эту несчастную записку. Судили их в клубе „Динамо“, судом Военного трибунала. Так вот, когда огласили приговор, а мы такого не ожидали, сын Шкотского услышал о себе, что приговорен к ВМН, упал в обморок. Потом его расстреляли. В расстрелах активную роль играл Белослюдцев, он тогда уже перешел на работу О/О НКВД. Ему тогда было примерно 50 лет, полноватый, белесый, он и играл при расстрелах роль „врача“.

Я почему говорю о расстрелах в Колпашево в 37 – 38 годах так спокойно? Потому что я в расстрелах участие сам не принимал, так как не был членом

Коммунистической Партии, а расстреливать доверялось только коммунистам. Это называли „спец заданием“ или „особым заданием“ и допускались только коммунисты, комсомольцам и беспартийным это не доверяли. Так что конвоировать – конвоировал, а расстреливал. Вообще о расстрелах было говорить не принято, а мне под большим секретом рассказал Трифонов Григорий, тоже конвоир, он к расстрелам привлекался часто. Это было так, вроде арестованных готовят к этапу в Томск, а перед этапом надо пройти медицинское освидетельствование. А медицинское освидетельствование проходят в КПЗ. Проводят осужденного в КПЗ, там говорят раздеться до нижнего белья. Расстрельная команда многие в белых халатах, чтобы значит, не заподозрили приговоренные и эксцессы каких не произошло. Там камера, а под ней яма вырыта, вот и приказывают рот открывать и в этот момент стреляют, он и падает в яму. А когда, стать на весы под планку измерения роста и говорят расправить плечи и голову выше поднять. Затем из-за ширмы делают выстрел в затылок, а трупы – в яму, песочком кровь присыпят и следующего, а когда руки связут за спиной, в расстрельную камеру заведут, в рот кляп запихают и из нагана в висок или затылок. Обычно применяли малокалиберную винтовку, иногда табельное оружие, пистолеты и револьверы, изредка трехлинейки. Камер в КПЗ было шесть, а под каждой яма, вот и так и забили их трупами. Одну заполнят, засыпят, пол настелят и следующую камеру. Сопротивлялись ли обреченные? Нет таких случаев он не говорил. Покорные все были, так как не понимали, что с ними будет. Вот эти то ямы и вскрывались, когда берег обваливался, в том числе и в 1979 году. Ну, да это не последняя, там еще есть. Объ еще подмоет.

Одежду убитых летом закапывали там же на территории НКВД, а зимой грузили на сани и везли на луга, за Саровку. Везли на лошадях, а там сжигали. Там у работников НКВД покосы были и место для пикников. Там землянка была выкопана, так вот в ней двух учителей расстреляли, а землянку обрушили. Это километров 15 от Колпашево.

Зимой использовали тракторные сани. На санях будка, в нее грузили человек 30, ночью и увозили, вроде как этап, на 2 – 3 день сани возвращались. Это увозили за город и там расстреливали где-то. Говорили на озере, на льду, а весной озеро вскрывалось и то что не сгорело, а после расстрела одежду сжигали, да трупы тоже, ну вот лед растает и все под воду уйдет. Получается шито – крыто. Зимой 1937 года сани и трактор работали постоянно. Официально говорилось, что тракторный этап в Томск экив увез, сдал там и вернулся. Ну, это даже по времени не могло получится.

Я уже говорил, что к этой, „секретной работе“ привлекали только партийных. В расстрелах участвовали: Волков Петр Иподистович – конвоир, Родиков Анатолий Игнатьевич – конвоир, Трифонов Григорий, он погиб в Великую Отечественную войну на фронте.

Весной 1938 г. начальника О/О НКВД Мартона взяли, вызвали в Новосибирск, и там арестовали. В Колпашево, у нас, когда узнали, что Мартон арестован, собрали митинг на улице, с обвинительно-разоблачительной речью выступил I Секретарь Нарымского Окружного Комитета Партии Карл Левиц. Призвал к бдительности, а через неделю его самого взяли, тоже был арестован.

Мартон отсидел год, оправдали, выпустили, да еще все денежное содержание выплатили. он вернулся в Колпашево к семье, но в НКВД больше не служил. Он потом семье другие паспорта сделал и в Новосибирск уехал жить. И там в 55 – 58 годах умер. Про него может рассказать Анисимова Антонида 1910 – 12 года рождения, живет она в п. Тогур. Это сестра жены Мартона. Мой средний брат – ее муж. Антониду еще можно найти через Анисимову Клавдию Евсеевну, 1912 года рождения. Она тоже живет в Тогуре. Фамилия у нее еще может быть девичья.

Кого знал из сотрудников НКВД?

Окороков, служил конвоиром в 1936 – 37 годах.

Востриков – Опер Уполномоченный НКВД.

Ямщиков – собаковод при НКВД.

Калинин – Опер Уполномоченный.

Коркин – Опер Уполномоченный.

Попов Леонид – на коммутаторе НКВД.

Таранко Серафим – на коммутаторе НКВД.

Крылов Дмитрий Спиридонович – на коммутаторе НКВД, затем ушел из НКВД, В 1978 г. проживал в с. Иванкино.

Смирнов – Начальник УР при НКВД, затем его откомандировали на повышение в г. Томск.

Мурzin Василий Иванович – начальник отделения в кавалерийском конвойном взводе.

Шалдо – политрук кавалерийского конвойного взвода. Он присвоил себе шубу расстрелянного, не сжег, ходил в ней по Колпашево, жена расстрелянного увидала на нем эту шубу, шубу мужа. Скандал был, а Шалдо выгнали из НКВД, уволили.

Сутулов Ефим – командир конвойного отделения.

Большаков – сотрудник НКВД.

О тех временах может еще рассказать Колесникова Зоя Федоровна. Она работала бухгалтером в ДПЗ, проживает в г. Колпашево в переулке Красный.

В 1937 г. весной, большинство конвоиров из обоих взводов отправили на учебу в г. Новосибирск, вернулись мы только осенью 37 г., там привлекали нас к выполнению конвойных функций.

ДПЗ – Дом Предварительного Заключения. Это Колпашевская тюрьма. Деревянная, 2-х этажная, на окнах деревянные козырьки. Находилась в районе сгоревшего Колпашевского педучилища, а КПЗ – это находилось за забором в

городке Окр. отдела НКВД. Помимо расстрелов в КПЗ были и этапы. Зимой 1937 г. отправляли этапы. Отправка шла из КПЗ, туда приводили осужденных из ДПЗ. В КПЗ формировали этапы и отправляли в г. Томск, в тюрьму. Там мы арестованных и сдавали. Этапы из 15 человек. Приводили их в здание НКВД, а оттуда препровождали в КПЗ, а затем вели их по льду р. Обь 8 – 9 суток. Маршрут такой: Колпашево – Косагасово – Кривошеено – Подоба – в Шегарке выводили на тракт – затем в район нынешнего речного вокзала Томска. Оттуда по Ключеской ^в на Пушкинскую улицу и по ней в тюрьму. Там этапируемых сдавали, 1 – 2 дня отдыха и назад в Колпашево. После каждого дневного перехода кормежка и ^{ночной} отдых, утром опять на этап. Летом этапировали или в баржах, но это редко, чаще пароходом, в самом трюме, обычно попадал „Карл Маркс” и так до грузового или пассажирского портов, а дальше на улицу Ключевскую и в тюрьму.

Кто арестовывал? Брали арестуемого 1 – 2 опера и конвоир. Конвоир следил за порядком, охранял, помогал делать обыск, затем сопровождал арестованного. Это в г. Колпашево. И днем и ночью. В 1937 г. милиция вся привлекалась к оперативной работе. Вся.

Свидания арестованным давались редко, это тоже делалось в оперативных целях, успокоить арестованных, родных арестованного, ну и чтобы правду не узнали.

КПЗ состояла из шести камер, первая комната – расстрельная. Стреляли ночью. Участвовал ли Волков Александр Данилович? Знал такого, но ничего говорить не буду о нем. В КПЗ были свои надзиратели. КПЗ было одноэтажное, буквой Г, бревенчатое. Расстрелы шли под утро. За 2 часа расстреливали 30 человек. Их содержали в здании НКВД, а там выход к КПЗ. Мы охраняли их в НКВД, приходил через определенное время или надзиратель КПЗ, или работник НКВД, или кто-нибудь из конвоиров, допущенных к „секретной работе” и забирал на медицинское освидетельствование другого очередного арестованного и через эту дверь уводил в КПЗ, а там уже стреляли, затем за следующим. И так всех. Потом придут и нас отпустят со словами „Конвой свободен”, или „Спасибо, товарищи, вы свободны”. После расстрелов у них часто пьянки устраивались, водку на это не жалели, она как бы в паек входила им. КПЗ одна стена была 15 метров, другая 10 метров длинной, а ширина его 6 метров. Вот так все шесть камер по очереди и были расстрельные.

Откуда доски, толь и известь в могилах? Ну, там партию расстреляют, а яма в камерах не заполнена, вот известью засыпят, чтобы зараза не распространялась и запах гниющего от трупов, сверху толь кинут, доски и до следующего расстрела. И так пока яма не заполнится. Потом земличкой присыпят и пола доски настелят и в следующую камеру. Вот в 1979 г. и вскрыла Обь одну из могил с известью и досками. Потому и сохранились, что

известка гнить не давала мертвцам. А в 37 – 38 годах от Забора городка НКВД до берега Оби было метров 100, да от забора до стены КПЗ еще 10 метров.

Стреляли ли еще и закапывали в других местах? Да. И на территории городка НКВД, за забором, а он из досок 3-х метровых состоял, в плотную сбитых, говорили, что и за городком сразу, где пустырь был, стадион так называемый, там не огороженная забором, за пределами забора конюшня НКВД стояла, говорили и в других местах от Колпашево, где внимание жителей не привлекалось.

К „секретным заданиям” привлекались еще: Шалдо, Севастьянов, Сутулов Ефим, Метла и работники НКВД, т.е. опера, начальство, когда был большой расстрел, много надо было расстрелять, тогда некоторые участвовали, но все – партийные.

На допросы водили из ДПЗ и днем и ночью в Управление НКВД. Так же из ДПЗ водили в КПЗ, кого на этап, кого Так. 30 минут уходило на доставку арестованного, а камеры в КПЗ были примерно 2×2 метра.

Я потом из милиции не ушел, долгое время работал участковым инспектором, но в „спец заданиях” участия не принимал, чист в этом, потому и рассказал все что знаю.

В конвоиры шли не по призыву на действительную военную службу, а как бы на работу устраивались. Все конвоиры были местные, чтобы кулаков или других врагов в роду не было. В основном из близлежащих поселков.

Об этих делах еще может, наверное, рассказать Мурzin Филлимон Иванович, брат конвоира Мурзина, думаю, что он мог кое-что брату сказать. Мурzin Ф. И. живет в Новоселово.

Со слов Старикова записал Девягин С. А. г. Томск 1989 г.